
Л. Ю. АСТАХИНА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Неопубликованная статья В. Ф. Ржиги о книжнике XVII в. Третьяке Васильеве

РЕЗЮМЕ

Неопубликованная статья В. Ф. Ржиги посвящена анализу письма Третьяка Васильева, обнаруженного исследователем на последних страницах рукописного сборника XVII в. Письмо озаглавлено «Список с грамотки». Оно заинтересовало исследователя тем, что в нем проявились отношения двух братьев в момент их размолвки: старший отвечает на упреки младшего, указывая на их несправедливость. Письмо отражает своеобразный строй эпистолярного жанра XVII в., литературные приемы, образность изложения. В. Ф. Ржига сделал из грамотки Третьяка Васильева несколько выписок, хранящихся ныне в фонде картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв., а грамотка стала одним из источников Словаря.

Ключевые слова: грамотка, исправление книг, эпистолярный слог, раскол, справщик, монашество.

Ludmila Ju. Astakhina (Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia). An Unpublished Article by Vyacheslav F. Rzhiga

ABSTRACT

In one unpublished article, Vyacheslav F. Rzhiga analyzes a letter written by the seventeenth-century author Tretyak Vasilev to his younger brother. The text of the letter was discovered by Rzhiga on the last pages of a seventeenth-century manuscript collection, where it was titled “A copy of a letter”. Rzhiga’s interest was sparked by the fact that the letter reflects a quarrel between the two brothers: the elder proves the unfairness of the reproaches of the younger brother. The structure of the letter, its literary techniques and imagery are characteristic of the epistolary genre of the 17th century. Rzhiga made several excerpts from the letter that are now kept in the fonds of the card index of the *Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th centuries*. This way, Tretyak Vasilev’s letter became one of the sources for the *Dictionary*.

Keywords: letter, correction of Russian liturgical books, epistolary style, Russian Schism, Raskol, monasticism.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде «446: В. Ф. Ржига (1883—1960)», хранится неопубликованная статья В. Ф. Ржиги «Новое письмо Третьяка Васильева». Дело № 14 из картона № 9 содержит 88 листов. Вся единица хранения состоит из шести частей.

1. Черновик статьи, написанный В. Ф. Ржигой на оборотах листов верстки «Словаря русского языка» (издававшегося А. А. Шахматовым до 1920 г.

и С. П. Обнорским до 1937 г.) на букву «Л», с поправками автора. На последнем листе автором поставлена дата: «5/XII 1932» — л. 1—17.

2. Переписанный рукой В. Ф. Ржиги «Список з грамотки» форматом в 4° с сохранением букв ъ, і, вышедших из употребления, но с раскрытием слов, помещенных в оригинале под титлом, из рукописного сборника с указанием над заглавием: «Бывш. Архива Мин. иностр. дел № 605/1113, скор. XVII в.», ныне хранящегося в РГАДА (ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД, ед. хр. 605/1113, л. 283 об.—287 об.), — л. 18—21.

3. Машинописная копия статьи «Новое письмо Третьяка Васильева (XVII в.)», сделанная на портативной машинке (мелкий шрифт) на пожелтевшей бумаге с подписью на последнем листе «В. Ржига», — л. 22—33.

4. Переписанная рукою автора статья на сдвоенных листах белой бумаги форматом в большой лист (1°) «Новое письмо Третьяка Васильева (XVII в.)». Над этим заглавием поздним почерком написано «Т. Васильев и его новое письмо». Обороты листов не содержат текста, только на л. 41 об. дана короткая вставка автора с указанием поместить ее в текст на л. 42 (Заметим, что машинописная копия буквально постранично совпадает с этой статьей.) — л. 34—46.

5. Эта часть называется «Школьная тетрадь». В ней изменившимся почерком автором переписана та же статья под заглавием «Т. Васильев и его новое письмо» с теми же примечаниями внизу страниц, но вместо «Ibid.» используются слова «Там же». Заканчивается тетрадь «Списком з грамотки» в современной орфографии. — л. 49—72.

6. Машинописная копия той же статьи «Новое письмо Третьяка Васильева (XVII в.)» шрифтом типа «оптима» — л. 74—88.

Машинописные варианты совпадают с первоначальным текстом статьи, датированной 5 декабря 1932 г., и содержат минимальную правку, в основном нечетко пропечатанных букв. Сами копии не совпадают по расположению материала на странице — скорее всего, они были созданы в разное время.

В том же фонде РГБ среди черновиков сохранилось письмо В. Ф. Ржиги в Государственное издательство художественной литературы от 13 мая 1945 г.: «В Редакцию Сборников по теории и истории литературы. Благодарю редакцию за приглашение принять участие в сборниках. Извиняюсь, что невольно задержал свой ответ.

Из работ вполне готовых я мог бы предложить для напечатания статью „Новое письмо Третьяка Васильева“ (XVII век). Статья представляет собою очерк жизни и деятельности этого писателя, одного из ранних инициаторов раскола, составленный главным образом на основании его писем, ранее напечатанных. Вместе с тем статья вводит в научный оборот еще одно письмо Т. Васильева, до сих пор неизвестное. Размер статьи — 1 печ. лист. Могу представить ее к любому сроку» (ф. 446, карт. 17, № 12, л. 1—1 об.). Но статья опубликована не была.

К этому времени (к 1945 г.) В. Ф. Ржига располагал изданием писем Т. Васильева, подготовленным А. Н. Поповым (ВОИДР. 1851. Кн. 9), и изданием его челобитных под редакцией Д. Е. Кожанчикова (СПб., 1862). Новое письмо он обнаружил в начале 1930-х гг. на последних листах рукописного сборника XVII в.

С 1925 г. В. Ф. Ржига работал над подготовкой к изданию «Слова о полку Игореве». Он «был воспитанником Московского университета, а затем с 1914 г. — его приват-доцентом и профессором. К моменту ареста (13 февраля 1934 г.), — читаем в книге Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова «Дело славистов», — в печати находились подготовленные им совместно с С. К. Шамбинаго два издания „Слова о полку Игореве“, одно с обширным их же комментарием, другое — подарочное с иллюстрациями палехского художника И. И. Голикова. Тогда еще не было обычая сразу после ареста изымать из печати все публикации данного автора, как это делалось в 1937 г. и позже. Поэтому оба издания вышли в 1934 г.»¹ Работа В. Ф. Ржиги над этим изданием отражена в обширной статье энциклопедии М. Г. Булахова «Слово о полку Игореве в литературе, искусстве, науке».²

Скорее всего, В. Ф. Ржига просматривал большие рукописные сборники из архивохранилищ в поисках других списков «Слова» или хотя бы упоминаний о нем. Сборник № 605 своим объемом и тисненым переплетом привлек внимание исследователя. В нем содержатся Житие и деяния Иоанна Феолога — Богослова, написанное учеником его Прохором, Сказание о иконе Богоматери Казанской, Послание Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь, Алфавит, а на самых последних листах помещен «Список з грамотки», т. е. копия письма Третьяка Васильева (в иночестве Савватия) младшему брату Сергею.

В настоящее время о литературном творчестве Т. Васильева известна статья 1997 г. Т. В. Кортавы «Филологическое наследие дьяка Третьяка Васильева», в которой частично проанализированы его письма и стихотворные послания. Автор утверждает: «Несомненно, одним из самых ярких представителей приказного сословия является дьяк по имени Третьяк (Сенка) Васильев (...) личность исключительная».³ «Творческое наследие дьяка Третьяка Васильева, — пишет далее автор, — состоит из переписки, изданной известным историком-источниковедом А. Н. Поповым, семи стихотворных посланий, опубликованных литературоведом Л. С. Шептаевым, но ошибочно приписанных им другому лицу, стихотворений, опубликованных А. М. Панченко, знаменитой челобитной царю Алексею Михайловичу, изданной Д. Е. Кожанчиковым. Имеется также значительный корпус документов публичного права, составленных Третьяком Васильевым. Переписка Третьяка Васильева, охватывающая 1647—1653 гг., состоит из 24 посланий, в которых автор демонстрирует владение нормами приказного и церковно-славянского языков».⁴

В книге А. М. Панченко «Русская стихотворная культура XVII века», которую имеет в виду Т. В. Кортава, дана филологическая характеристика и яркий анализ стихотворных посланий («эпистолий») справщика Савватия, созданных в 40—50-е гг. XVII в., когда он был учителем сына Н. И. Одоев-

¹ Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. акад. Н. И. Толстой. М., 1994. С. 31.

² Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь / Под ред. Л. А. Дмитриева. Минск, 1989. С. 182—184.

³ Кортава Т. В. Филологическое наследие дьяка Третьяка Васильева // Вестник Московского университета. Сер.: Филология. 1997. № 5. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

ского Михаила,⁵ а в Приложениях приведены тексты посланий по рукописным сборникам БАН и РГАДА.⁶ А. М. Панченко анализирует стихотворные послания, опубликованные Л. С. Шептаевым в 1965 г., и послание, находящееся в Архангельском собрании БАН.

Л. С. Шептаев полагает, что изданные им послания не могли принадлежать Т. Васильеву. Он утверждает: «Можно считать установленной личность поэта чернеца и справщика Печатного двора старца Савватия и время его литературной деятельности (примерно 30—40-е годы XVII в.).»⁷ «В научной литературе, — пишет он, — имя справщика Савватия ошибочно соединялось с именем Третьяка Васильева, дьяка Посольского приказа, который в 1654 г. постригается под именем Савватия в Чудовской монастырь. В 1660 г. этот Васильев за старообрядческие убеждения был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Литературная деятельность чернеца Савватия — Третьяка Васильева падает, таким образом, на 1650-е и 1660-е годы. Однако автор публикуемых посланий чернец справщик Савватий не тождествен Третьяку Васильеву, который вообще никогда не был справщиком. Когда Третьяк Васильев в 1654 г. стал Савватием, стихотворец Савватий уже прекратил свою работу в Печатном дворе (...) По приходо-расходным книгам Книжной справы Савватий впервые значится в ее штатах с сентября 1634 г. и продолжает упоминаться среди справщиков до сентября 1652 г.»⁸

В «Словаре книжников и книжности Древней Руси» дана краткая биография справщика Савватия (1-я пол. XVII в.; автор — М. Д. Каган),⁹ а следующая словарная статья: «Савватий (в миру Семен Васильев Башмак, по прозвищу Третьяк)» — посвящена Третьяку Васильеву (авторы — В. К. Зиборов и В. В. Яковлев).¹⁰

Итак, два Савватия, авторы XVII в., являются разными людьми. Действительно, при обращении к посланиям справщика Савватия становится понятно, что их не мог написать Третьяк Васильев, поэтому в статье Т. В. Кортавы отождествление двух Савватиев в одном лице ошибочно.

Статья В. Ф. Ржиги еще не опубликована, и остается неясным, как в 1998 г. в словарную статью В. К. Зиборова и В. В. Яковлева о Третьяке Васильеве попало сообщение о его письме к брату Сергею: «В другом сборнике XVII в. сохранилось письмо С(авватия) к брату Сергею Васильеву (ЦГАДА, ф. 181, № 605/1113, л. 283-287 об.)».¹¹ Упоминаний об этом письме в приведенной к словарной статье литературе нет, отсылок к другим источникам авторы не дают; сам рукописный сборник РГАДА, судя по листу использования, они не смотрели. Можно предположить, что они заглянули в «Указатель источников» «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (М., 1975), где на с. 79 указан шифр этого письма: Пис.Т.Вас. — и приведено точное указание, где оно находится. Но ссылки на это издание в статье В. К. Зиборова

⁵ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 50—69.

⁶ Там же. С. 248—259.

⁷ Шептаев Л. С. Стихи справщика Савватия // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 9.

⁸ Там же. С. 6.

⁹ Каган М. Д. Савватий // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 3. С. 324—327.

¹⁰ Зиборов В. К., Яковлев В. В. Савватий (в миру Семен Васильев Башмак, по прозвищу Третьяк) // Там же. С. 327—329.

¹¹ Там же. С. 328.

и В. В. Яковлева нет. Сам же указатель источников (в машинописном виде, а с 1975 г. — в изданном) существует с конца 1940 г.: «В конце 1940 г. Указатель был напечатан (на машинке. — Л. А.) в количестве 10 экз.»¹²

В 1929 г., когда после кончины академика А. И. Соболевского во главе «Комиссии по собиранию материалов по древнерусскому языку» встал академик М. Н. Сперанский, его коллега по Историческому музею В. Ф. Ржига входил в московскую группу комиссии. Вплоть до середины июля 1935 г. (находясь под арестом с 13 апреля 1934 г.) М. Н. Сперанский отправлял Б. А. Ларину в Ленинград материалы московской группы. Тогда В. Ф. Ржига и сделал свои выписки из письма Т. Васильева четким почерком на каталожных карточках (с отверстием для стержня), которые теперь находятся в фонде Картотеки СлРЯ XI—XVII вв.¹³

Это подтверждается записью Б. А. Ларина в разделе «Списки источников», помещенном в его «Проекте древнерусского словаря» (с. 85—167).¹⁴ На с. 136 читаем: «Письмо Т. Васильева см. Пис.Вас.», — а на с. 135 дано полное описание этого источника: «Пис.Вас. — Письмо дьяка Третьяка Васильева брату Сергею Васильеву (по рукоп. Архива феод.-крепостн. эпохи, б. Арх. мин. ин. дел № 605/1113. Список XVII в.)». На это издание в статье В. К. Зиборова и В. В. Яковлева также нет ссылки.

Дополнительные сведения о Т. Васильеве можно найти в книге «Дьяки и подьячие» С. Б. Веселовского,¹⁵ где указаны места, содержащие подписи — «справы» — подьячего и затем дьяка Т. Васильева.

Его челобитная, адресованная царю Алексею Михайловичу, была опубликована Д. Е. Кожанчиковым в 1862 г. отдельной книжечкой — через двести лет после ее появления.¹⁶ Для самого Т. Васильева челобитная стала поводом для опалы и ссылки в Кирилло-Белозерский монастырь. Позднее он был возвращен в Москву и заключен в земляную тюрьму Новоспасского монастыря.

Статья В. Ф. Ржиги, датированная 5 декабря 1932 г., уже тогда могла бы положить начало дальнейшим исследованиям литературной деятельности Т. Васильева. Обнаруженный В. Ф. Ржигой в сборнике РГАДА «Список з грамотки» в то время был неизвестен науке. Написанное Т. Васильевым до 1638 г. адресованное брату Сергею письмо отражало как родственные, так и социальные отношения, свойственные людям XVII в. Подкупал и образный стиль послания.

Публикуемый рукописный вариант статьи В. Ф. Ржиги, указанный выше под номером 4 (л. 34—46), переписан с черновика, содержит минимальную авторскую правку, что отражено в наших примечаниях. В цитатах статьи из «Списка з грамотки» сохраняем древние буквы. Для настоящего издания выбрана именно эта копия статьи В. Ф. Ржиги, потому что в ней отражено, можно сказать, «первозданное» отношение взволнованного автора, радость

¹² Словарь русского языка XI—XVII вв. Справочный выпуск: История картотеки. Авторский состав. Указатель источников. Словник (обратный). М., 2001. С. 99.

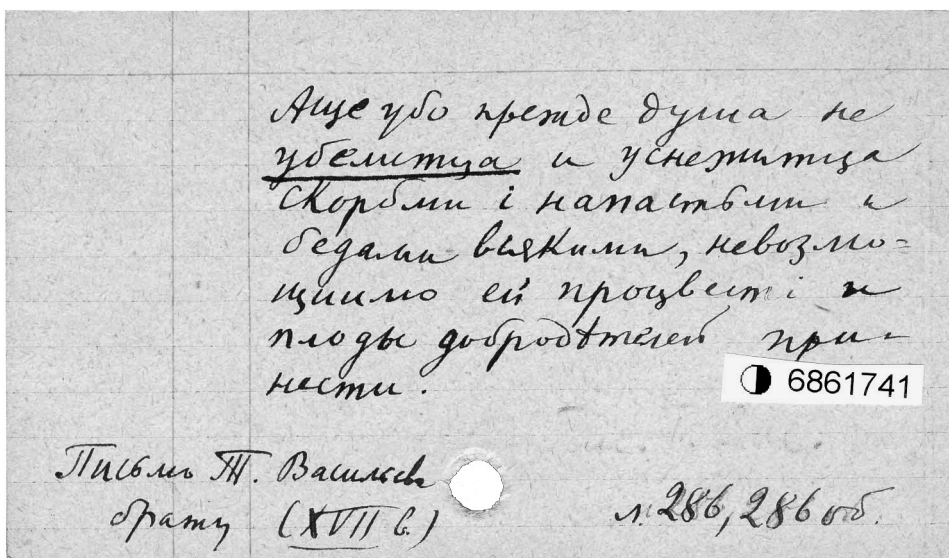
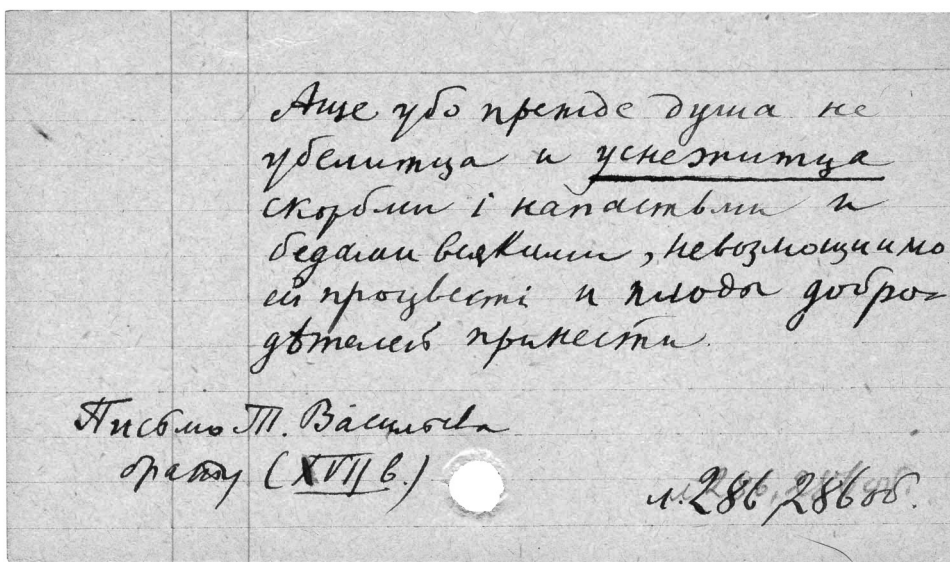
¹³ Там же. С. 187—188.

¹⁴ Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря: (Принципы, инструкции, источники). М.: Л., 1936. С. 135—136.

¹⁵ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 86—87.

¹⁶ Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря / Изд. Д. Е. Кожанчиков. СПб., 1862.

Карточки, выписанные В. Ф. Ржигой из Письма Т. Васильева брату Сергею (до 1934 г.).

открытия, стремление привлечь внимание читателей к тому, что в объеме-стом рукописном сборнике случайно обнаружился небольшой список неиз-вестного письма, близкий по времени к оригиналу.

Примечания в своей статье В. Ф. Ржиги приводит из публикации писем Т. Васильева в ВОИДР (1851. Кн. 9, Смесь), обозначаем это издание в круг-лых скобках после соответствующих цитат как Врем. Примечания из книги «Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соло-вецкого монастыря» (изд. Д. Е. Кожанчикова) в тексте статьи В. Ф. Ржиги

обозначаем в круглых скобках как Три чел. с указанием страниц (в оригинале ссылки на эти два издания находятся внизу страниц). Во всех остальных случаях круглые скобки в тексте статьи поставлены самим В. Ф. Ржигой. В угловые скобки заключаем пропущенные автором и восстановленные нами буквы. Наши примечания касаются небольшого количества авторских исправлений в рукописном тексте, которые показывают особенности и направление работы автора над статьей.

Новое письмо Третьяка Васильева (XVII в.)¹

Интересная личность Семена Третьяка Васильева, сначала служившего в Сибирском приказе в Москве, потом дьяка при воеводах в Тобольске, наконец монаха² Чудова³ монастыря, принявшего монашество⁴ под именем Савватия и в 1660 г. ⁵одним из⁵ первых выступившего ⁶против исправлений⁶ в печатных книгах, — является до сих пор мало изученной. Поэтому прежде чем говорить о вновь найденном материале, принадлежащем авторству Т. Васильева, необходимо припомнить наиболее существенные факты его жизни и деятельности, которые могут быть извлечены из материалов, уже давно опубликованных, но почти не использованных.

Третьяк Васильев или, как он сам называл себя в письмах, Трешка, Тренка, реже Сенька Васильев служил при воеводах в Тобольске, по его словам, в течение 6 лет (Три чел., с. 51), сначала младшим дьяком, потом старшим, а до этого 8 лет служил в Сибирском приказе (Врем., с. 29). Так как назначение его старшим дьяком относится к 1649 г. (Ibid., с. 2), то хронология его служебной карьеры представляется в таком виде: с 1638 г. до 1646 г. он служил в Сибирском приказе, вероятно, в качестве подьячего,⁷ с 1647 г. по 1649 г. — младшим дьяком в Тобольске; с 1649 г. по 1652 г. — старшим дьяком там же. Деятельность его в Сибири заключалась главным образом в организации сбора ясака с местного населения и, по его словам, он под начальством своих воевод достиг тут значительных успехов, так как в течение первых трех лет они собрали деньгами около 10.000 рублей, хлебом 10.500 четвертей, привлекли новых ясачных людей до 500 человек, и со всех ясачных людей как со старых, так и с новых весь ясак собрали полностью, чего никогда ни ранее, ни позднее не бывало (Три чел., с. 52). Высшее начальство в лице боярина князя Алексея Никитича Трубецкого, управлявшего Казанским и Сибирским приказами, высоко ценило Т. Васильева как приказного работника и лестно отзывалось об его службе. Дьяк Сибирского приказа Ф. И. Грибоедов в своем письме Т. Васильеву сообщал: «а князь Алексѣй Никитичъ (Трубецкой) всегда про тебя милостивые слова говорить, и всѣмъ

¹ Название статьи дано автором. Поздним почерком надписано сверху: Т. Васильев и его новое письмо.

² Слово написано над зачеркнутым принявшего монашество в.

³ Исправлено из Чудовом.

⁴ Написано над монастыря (исправленного из монастыре) и под именем.

⁵⁻⁵ Написано над первых.

⁶⁻⁶ Над против исправ зачеркнуто в письменной форме.

⁷ Так в статье.

тебя жаловаль, похваляль и Василью Борисовичю (Шереметеву) о тебѣ говориль, чтобъ онъ къ тебѣ приятень былъ» (Врем., с. 23). Ревностные занятия службой Т. Васильев соединял с усиленным чтением книг: по его словам, в Сибири он трижды перечитал Библию и увлекался Дионисием Ареопагитом, «а государеву дѣлу помѣшки тѣмъ, что почитаю книгъ, не чиниль, на то время недосыпал» (Ibid., с. 20). Но иногда Т. Васильев не прочь был и выпить или, как он выражался: «временем черпаль сикер» (Ibid., с. 19). Думный дьяк Михаил Юрьевич Волошенинов уговаривал его воздержаться «отъ лиха питья» (Ibid., с. 19). Насколько подействовало это увещанье, сказать трудно. Но известно, что при назначении на новый срок с повышением на должность старшего дьяка Т. Васильев просил управляющего приказом не только о денежном жаловании и хлебе, но и о больших запасах вина и меда: «да у Соли бы, государь, Камской купить сто вѣдръ вина да пудъ съ тридцать или съ сорокъ меду и подводы подъ тѣ запасишка дати» (Ibid., с. 24). Живя в Тобольске с семьей (женой и детьми), Т. Васильев оставил в Москве свой двор с хоромами и с садом. Но в его отсутствие на его двор поселили в качестве постояльца иноземного полковника Александра Крафорта, и этот постоялец, по сведениям, полученным Т. Васильевым из Москвы, «дворишко» его, «стоя на немъ, до конца опустошилъ, хоромишка всѣ исперепортилъ и садишко высъѣкъ» (Ibid., с. 15). Т. Васильев трижды обращался к управляющему приказом Большой казны и Иноземным боярину Илье Даниловичу Милославскому со слезной просьбой о заступничестве и о выселении постояльца: «тебѣ, государю моему, извѣстно, что я человекенко безвотчинной и безпомѣстной, толко было и животишка, что дворишко, а нынѣ живу въ Сибири на проѣстѣхъ, никакъ безъ долгу изъ Сибири не выѣхать... Милости у тебя, государя, у древняго своего благодателя, прошу, заступи своимъ жалованьемъ, не дай врагомъ въ поруганіе... Не продолжу тебѣ, государю моему, много писменемъ стужати, но прибѣгаю къ тебѣ, государю моему, ото всего своего убогово сердца мыслию, яко ко граду твердонырну на горѣ водружену, и со слезами милости твоей прошу, прикажи нѣмчина съ дворишка моего свестъ, и впередъ того бѣднаго моего вертепа побережь кому пригоже...» (Ibid., с. 15—16). Несколько позднее, в 1649 г., Т. Васильев хлопотал о продаже своего двора, так как не надеялся уберечь его от опустошения. Расчитывая⁸ выручить от продажи двора⁹ около 350 рублей, он просил думного дьяка Михаила Юрьевича Волошенинова отдать эти деньги займы солидным торговым людям под небольшие проценты.

Начитанный в книгах и хорошо владевший тогдашним эпистолярным слогом, Т. Васильев поддерживал переписку со многими лицами. Из его корреспондентов особенно следует упомянуть воеводу князя Семена Ивановича Шаховского, писателя XVII в. Т. Васильев не раз утешал его по поводу различных напастей и бед. Шаховской благодарил своего друга за утешения, расточал ему комплименты и просил прислать «Тобольской рыбки осенней, осетриковъ и стерлядокъ и икрицы» (Ibid., с. 5). Т. Васильев охотно исполнял эти просьбы и писал в ответ: «...и я къ тебѣ, государю моему, послалъ напередъ съ Тюменскимъ казакомъ съ Иваномъ Голышевымъ Сибирские рыбки

⁸ Так в статье.

⁹ Написано над около.

десять стерлядей свѣжихъ непоротыхъ, а нынѣ послалъ съ Тобольскимъ подъячимъ съ Омеляномъ Прокофьевымъ осетрика да десять стерлядокъ же да шесть безмѣнъ икры въ туюскѣ; и тебѣ бѣ, государю моему, кушать то на здорвье» (Ibid., с. 10).

Кроме переписки с С(еменом) И(вановичем) Шаховским и лицами, непосредственно связанными с Т. Васильевым по службе¹⁰ и делам,¹⁰ каковы уже упоминавшиеся нами боярин князь А(ндрей) Н(икитич) Трубецкой, думный дьяк М(ихаил) Ю(рьевич) Волошенинов, дьяк Ф(едор) И(ванович) Грибоедов, сохранились еще письма его к боярину Ю(рию) Д(аниловичу) Милославскому и архиепископу Тобольскому и Сибирскому Симеону, а также к отдельным лицам, знакомым Т. Васильева, но нам ближе неизвестным, которым он посылал различные «гостинцы».

Служба Т. Васильева в Тобольске закончилась в 1652 году. Что делал он, вернувшись в Москву, не известно. Можно сказать только, что между 1652 г. и 1660 он принял монашество в Чудовом монастыре под именем Савватия и около 1660 г. глубоко заинтересовался исправлением книг. Находя, что справщики Печатного двора допустили много ошибок в новых изданиях, он подал царю Алексею Михайловичу жалобу¹¹ на них, в которой¹² утверждал, что справщики «книги портятъ и плевелы въ нихъ сѣютъ» (Три чел., с. 13). Жалоба¹³ Савватия была передана на рассмотрение судей в лице Чудовского и Богоявленского архимандритов. Савватий проиграл дело и был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. В следующем 1661 году он написал новую челобитную царю, в которой подробно указывал все ошибки, допущенные справщиками, и просил о помиловании. Эта челобитная очень интересна: являясь первым по времени письменным выступлением против предпринятых тогда исправлений печатных книг, она проливает некоторый свет как на характер этих исправлений, так и на личность её автора.

Савватий указывал ряд ошибок в Прологе, Октоихе, Минее, Триодях, Служебнике, Шестодневе, Псалтыри и Часослове. Он возражал, напр., против пропуска союза или запятой при перечислении трех лиц Троицы и видел в этом «смазывание Отца с Сыном», т. е. Савелиеву ересь. Он обвинял справщиков в замене аориста «бысть» — формами прошедшего сложного «быль еси» и проч. Савватий коснулся и правописания¹⁴ вместе с¹⁴ соответствующей ему фонетикой, резко возражая против замены з через с, ы через и, и видя в этом стремление исключить отдельные буквы из славянского алфавита и приблизить его к греческому: «Ей, государь, смутилися и книги тѣмъ портятъ: гдѣ глаголется: зъ Богомъ, зъ душею, зъ дѣвою, зъ бодаемъ, Израиль, тамо въ земли (з) мѣсто — слово (с) полагають. Печатають съ Богомъ, съ душею, съ дѣвою, съ бодаемъ. Трудно сего и глаголати, а *Израиль* в нашемъ славенскомъ языцѣ зѣло непригоже. А гдѣ глаголются — *зраки*, тамо весьма нелѣпо измѣнати земли (з) словом (с), и за ы — и полагати, и Сына нарицати *Сино*мъ, а Давыда — *Давидомъ*, а за высящася — *высящагося*, а за всылаемъ — *всилаемъ*, а за бивъ — *бивъ*» (Ibid., с. 37). Интересно, что Савватий

¹⁰⁻¹⁰ Написано над бе и как.

¹¹ Написано над зачеркнутым донос.

¹² Исправлено из которм.

¹³ Написано над зачеркнутым Донос.

¹⁴⁻¹⁴ Слова написаны над соответ.

отмечает широкое развитие этой замены **ы** через **и**, чуждой московскому говору, но быстро распространявшейся как новая речевая мода: «Аще и худо, тако та глупость вселилася, — замечает он, — хотя по старымъ печатнымъ книгамъ говорить, а мнози, угожаючи нынѣшному нелѣпому новому и бояся того же, что и надъ нами учинено, симъ худымъ воспятословиемъ говорить. И пошель тотъ недугъ во все государство: не много тѣхъ мѣсть, гдѣ тое глупости не любятъ» (Ibid., с. 37). Всю вину неудачного исправления книг Савватий приписывал несовершенной грамматике справщиков и влиянию приезжих украинцев, которых он пренебрежительно называл «нехайями»: «Ей, государь, смутились и книги портять, и впредь будутъ портить, аще не уймутъ ихъ отъ такова безумия. А учили такъ плутати недавно, прежде сего и они так печатали, а свела ихъ съ ума несовершенная ихъ грамматика, да приѣзжіе нехайи» (Ibid., с. 26, 27). Чуждые московскому говору черты Савватий отмечал и в акцентологии правленных книг или, пользуясь тогдашним термином, в просодии. По этому поводу он писал: «А что и просодии въ новыхъ книгахъ превратили по чужимъ пословицамъ (какими пословицы въ Московскомъ государствѣ николи не говаривали, и нынѣ не говорятъ, и книгъ по той рѣчи не печатывали), и то недобрѣ же» (Ibid., с. 39—40). Савватий констатирует интересное расхождение между новым произношением, вводимым в книги, и старым, традиционным. «Многая рѣчь учала быти опако изъ лежащаго на другое мнительно, и учаль быти расколъ: въ книгахъ рѣчь, а въ людѣхъ другая. И тѣмъ всѣ старые книги опорочили и укоризну навели; не токмо простыхъ людей, и святыхъ многихъ, которые по тѣмъ книгамъ служили и Богу угодили, и сихъ дураками здѣлали, яко глупы были, еже доселѣ того не разумѣли» (Ibid., с. 40). Далее Савватий приводит несколько примеров, в которых ударение, по его мнению, передвинуто неправильно с предлога на существительное, так как в таком случае получается совпадение со словами, имеющими другой смысл: «А многое испортили одною просодиею оксиею, какъ отняли ея отъ предлогу и учили полагаги среди рѣчи: гдѣ глаголется **пó** чину, рекше по уставу, тамо предлогъ *покой* (**п**) съ *ономъ* (**о**) и просодию оксию прежде сего полагали надъ предлогомъ, над *покоемъ* и надъ *ономъ*, а нынѣ ея полагають среди тое рѣчи надъ *червями* и над **и**. И будетъ, яко же бы починути от трудовъ, или сна мало прияти. А гдѣ глаголется **на́** родъ сирѣчь на колено, или на племя, яко же и во евангелии глаголетъ: вся сия приидуть **на́** родъ сей. Предлогъ у тое речи *на* и просодию оксию прежде сего полагали тамо надъ предлогомъ же над **на́**, а нынѣ ея полагають среди тоя речи надъ *рцами* и надъ *ономъ*, и тако будетъ *нарóдь*, рекше, множество людей, и прочая такоже» (Ibid., с. 40—41).

Занимая позицию глубоко консервативную, Савватий бросает современным ему грамматикам общий упрек в чрезмерном увлечении новшествами: «Нравъ по грѣхомъ таковъ у нынѣшнихъ Московскихъ грамматиковъ, — ¹⁵замечает он,¹⁵ — что новое ни объявится — за тѣмъ и пошли, а старое свое доброе покинуть» (Ibid., с. 44). Убежденно отстаивая правоту своих возражений, но не встречая в правящих сферах поддержки и сочувствия им, Савватий в конце концов слагает свое оружие и обязуется ни с кем не спорить

¹⁵⁻¹⁵ Написано над что новое.

по грамматическим вопросам, только бы царь разрешил ему приехать из Кириллова монастыря в Москву. Этой просьбой и заканчивается челобитная.

[*Вставка В. Ф. Ржиги более поздним почерком на л. 40 об.:*] Приведенных данных кажется нам вполне достаточно, чтобы составить себе общее представление о писательском облике автора и получить возможность так или иначе оценить новый материал, ему принадлежащий.

Новое произведение Савватия, ¹⁶впервые публик(уемое) вместе с настоящей статьей,¹⁶ как мы сейчас увидим, относится к раннему периоду писательской деятельности¹⁷ ¹⁸нашего автора¹⁸ и по характеру своему примыкает к тем письмам, которые он оставил после себя в качестве мирянина Третьяка Васильева. Произведение это сохранилось в единственном списке, находящемся в Древлехранилище Центрархива в рукописи бывшего Архива Минист(ерства) иностранных дел № 605/1113, скор(опись) XVII в., на лл. 283 об.—287 об. Оно озаглавлено «Списокъ з грамотки» и представляет собою письмо Тренки Васильева, адресованное младшему брату его Сергею Васильевичу. Судя по тому, что в конце письма упоминается князь Андрей Андреевич Голицын, к которому Тренка Васильев обращался, прося за своего брата, надо думать, что письмо это относится ко времени не позднее 1638 года, так как князь А. А. Голицын, родоначальник Голицыных, боярин царя Михаила Федоровича и Тобольский воевода (1633—1635), — умер 22 сентября 1638 г. (Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных, собранные князем Н. Н. Голицыным. Киев, 1880. С. 10).

Из текста письма мы узнаем, что оно представляет собою ответ на письмо Сергея Васильевича, до нас не дошедшее, в котором младший брат высказывал ряд упреков старшему. Письмо Тренки Васильева посвящено опровержению этих упреков и дает небезынтересный¹⁹ материал для характеристики отношений Т. Васильева к его младшему брату. Письмо начинается традиционным обращением и взаимными справками о здоровье: «Государю моему брату Сергѣю Васил(ь)евичу Тренка Васильевъ челом бьет. Писал ты ко мнѣ о своем здоровьи, и я твое здоровье слышати рад, а про меня спросиш, и моему окоянству всесилныи в Троицы славимый Богъ... еще терпит, ноября по 16 число на Москвѣ в живых обретаюся, а впред надежа спасения моего Богъ же» (Рукоп. Древлехранилища Центрархива, бывш. архива министерства иностранных дел, № 605/1113, скор. XVII в., л. 283 об.).

После этого вступления, встречающегося и в других письмах Тренки Васильева (Врем., с. 8, 16, 17, 18, 19 и др.), он обрушивается на брата с укором, что тот, забыв о своем неразумии и невежестве, пишет ему «з гневом, а иное шпынством и с лаею» (Рукоп. № 605/1113, л. 284). Самое начало его письма: «раб брат твой челом бьет» (Ibid., л. 284) вызывает негодование Тренки, так как он усматривает здесь соединение смирения с гордостью: рабом можно называть себя по смирению, но братом может называть себя только равный. Младший брат не имел права так обращаться к нему, забыв о правах старшинства и о том многом, чем он ему обязан. Помня все это,

¹⁶⁻¹⁶ Слова вставлены над зачеркнутым Савватия и незачеркнутым как мы.

¹⁷ Далее зачеркнуто Савватия.

¹⁸⁻¹⁸ Слова написаны над и по характеру.

¹⁹ Так в статье.

он мог бы назвать себя не «братом», а «братишком». И Тренка читает целую нотацию младшему брату, напоминая обо всем, что он для него сделал, а именно: оказал протекцию при поступлении на службу, познакомил с влиятельными людьми, способствовал приезду в Москву,²⁰ поездке в Сибирь.²¹ «Мниши себѣ равна мнѣ; негли, нѣсть тако! — пишет Тренка. — Посѣйяй нас един, и земля, ея же нарицаем утроба матерня, от нея же изыдохом, едина же есть, токмо по благодати данней нам от Бога и по преданию старец искони болшии старѣйшинство и честь первую имат, мочно было тебѣ закона ради (л. 284 об.) и менши того и братишком написатца ко мнѣ. Ин тя насади, аз же воспитѣ, питание же нарицаю устрое(ние) благѣ. Егда бо еси был младѣ и пришел на землю чюжду, идѣже не обрѣте тебѣ помошник, развѣ мене, устроил тебя работником своим в государеву милость и соединил с людми (иж)е сут чести достоини... да ты же похотѣл²² видети дом Пречистыя Богородицы и московских чюдотворцов и государские пресвѣтлые очи, и я тебѣ то учинил, тѣм же нашим ходатайством сподобился видети и государыню нашу матушку (л. 285) и благословения от нея принять, ея же много лѣт не виде. Потом же ты ища воли своеи, похотѣл ѣхати в Сибирь и я тебѣ то учинил же и отпустил тебя в Сибирь не з бесчестьем».

Но несмотря на все это, Сергей Васильевич жаловался, будто брат отверг его, словно чужого иноплеменника, и намекая на что-то, цитировал из Писания: «вѣдая раб волю господина своего и не сотворит ю, болшее осуждение примет паче же невѣдущий». Эта цитата с намеком, равно как и упрек, еще более возмутили Тренку Васильева, и он снова резко укорял: «И ты за посмѣх меня лаешъ, полагаеш на мене невѣдение, сам еси невѣжда, не вѣси ни закона, ни заповеди Божия, ни отческаго предания храниши (л. 285 об.), вмѣсто благих моих безумным своим писмом труд мнѣ наносиш. Сам еси отринул от мене, ища воли своеи, да не токмо от мене, но и ото утробы матерня». В дальнейшей части своего письма младший брат, цитируя евангельское выражение: «вся твар(ь) на обновление приходит», намекал Тренке, что и ему следовало бы переменить свое гневное настроение. Приведенная цитата вызвала целое рассуждение Тренки, который, заметив брату, что тот приводит это выражение неправильно, не зная ни конца его, ни начала, показывает, как следует понимать его в контексте. По утверждению Т. Васильева, здесь говорится о видимой природе, которая обновляется благодаря дождям и ветрам, но иносказательно имеется в виду человеческая душа, которая обновляется путем искушений и напастей. «Аще убо прежде душа не убелитца и уснежица²³, скорбми и напастьми и бедами (л. 286 об.) всякими, не возмощиимо²⁴ ей процвести и плоды добродѣтелей принести и на обновление притти духовныя красоты». В этом смысле Тренка с глубокой благодарностью принимает напоминание брата и с преувеличенным смирением выражает свою готовность обновляться душой: «И за то, что памятуеш мнѣ и велиш обновлятися душею, велие воздаяние тебѣ будет наставнику моему

²⁰ Далее зачеркнуто где он повидался с матерью, содействовал, а над этими словами написано поездке в Сибирь и проч.

²¹ Далее зачеркнут весь абзац.

²² Слово исправлено из то хотѣл.

²³ Так в статьѣ.

²⁴ Так в статьѣ.

и учителю. Еи, грѣшен есмь, достоин мнѣ грехи своя на среду износить и обновлятися покоянием!». Но воспоминание о грехах и пережитых напастях снова наводит автора на прежний негодующий тон: ведь особенно много пришлось пострадать от врагов «понеже не обреташеся мнѣ помощник, яков же тебѣ аз бых. Сего ради должен есмь (л. 287) ближним своим отпущати, сирѣч не злопамятствовать никому, а есть ли бы и покусился гнѣватца на тебя, не неправеден бы мои гнѣв был, занеже бо еси заповѣд Божию и прещение отчее и матерне и мое благодаяние к себѣ забыл и раздражил меня злобою своею горѣ чюжих» (л. 287). В ответ на поучение брата сам Тренка применяет к нему высказанное им нравоучение и в стиле евангельских сентенций изрекает: «Горе тебѣ, книжнику: накладываеш людем неудоб носимыя бремена, сам же единым перстом не прикасаешися. Достойт тебѣ самому в чюство приходити и обновлятися душею, занеже бо еси в житии сем ни единыя скорби приял, яко же аз претерпѣл» (л. 287). Конец письма представляет собой ответ на просьбу брата походатайствовать за него перед влиятельными людьми. Просьба эта была выражена очень настойчиво, с угрозой в случае ее неисполнения совсем прекратить переписку. На это Тренка отвечает, что впредь ему и не нужно таких безумных писем, но напрасно брат слишком высокого мнения о себе: «Заѣхал ты въ деревню, да пишеш ко мнѣ не опамятовався (л. 287 об.), а мниш себя премудра и разумна. Не лстис: нѣсть тако!». Тренка советует брату сдержать свою злобу и проявить хоть в малой степени благодарность. Прерывая на этом свои наставления, автор ради отца, матери и родственных отношений прощает брату его вину, выражает готовность исполнить его просьбу и в миролюбивом тоне заканчивает письмо: «Живи с миром, да не к тому согрешай. По сем же и прошение твое исполню. Писал о тебѣ ко князю Андрѣю Андрѣевичю Голицыну, чтоб тебя жаловал, и к иным вперед писат учну же. Свершение же послания сего — много тебѣ, государю, челом бую».

Нет сомнения, что изложенное письмо вдвойне заслуживает внимания и как бытовой документ, характеризующий отношения между старшим и младшим братом в приказной среде XVII века, и как памятник, вносящий некоторые новые любопытные черточки в наши сведения о личности ²⁵одного из ²⁵первых инициаторов раскола.

В. Ржига

---

²⁵⁻²⁵ *Написано над первых.*

Поскольку в статье В. Ф. Ржиги «Список з грамотки» передан не вполне точно, мы воспроизводим этот текст по рукописи. Памятник издается по правилам ТОДРЛ: слова, помещенные под титлами, раскрыты; вышедшие из употребления буквы (за исключением ъ) заменены современными: Ѹ — у, і — и; ѕ — з, ѵ — и, ѡ — о, ѧ, ꙗ — я, Ѡ — от, Ѳ — ф, Ꙁ — кси, Ꙃ — пси; выносные буквы внесены в строку. Орфография приближена к современной.

Письмо дьяка Третьяка Васильевича брату Сергею Васильевичу

РГАДА, ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД, № 605/1113, л. 283 об.— 287 об., XVII в.

Списокъ з грамотки.

л. 283 об.

Государю моему брату Сергѣю Василевичю Тренка Василевъ челом бьет.

Писал ты ко мнѣ о своем здоровьи, и я твое здоровье слышати рад. А про меня спросишь, и моему окоянству всесилный в Троицы славимый Богъ по своей святой воли и за молитвъ праведных матери нашей еще терпит, ноября по 16 число на Москвѣ в живых обретаюся. А впредь надежа спасения моего Богъ же.

Да забыв ты отче благословение и матерне прощение и свое неразумие и невѣжество, что еси учинил вмѣсто благоденяния моего мнѣ злобу. // Пишешь ко мнѣ з гнѣвом, а иное шпынством и с лаею. Начало твоего писма к лицу моему «Раб, брат твой челом бьет» — в том бо словеси двоя рѣчь: смирение и величание. Рабом достоин писати смирения ради, понеже всегда раб страха ради благое творит, а братом писал еси величания ради. Мнишь себѣ равна мнѣ, негли нѣсть тако. Посѣяи нас един, и земля, еяже нарицаем утроба матерня, от неяже изыдохом, едина же есть. Токмо по благодати, данней нам от Бога, и по преданию старец искони болший старѣишинство и честь первую имат. Мочно было тебѣ закона ради // и менши того и братишком написатца ко мнѣ, ин тя насади, аз же воспитѣ: питание же нарицаю устроение^а благъ.

л. 284

л. 284 об.

Егда бо еси был младъ и пришел на землю чюжду, идѣже не обрѣте тебѣ помощник развѣ мене, устроил тебя работником своим в государеву милость и соединил с людми еже^б суть чести достойни. Потом же тебѣ и усугубил и третицею и четверенно учинил. Да ты же то хотѣл видети Дом Пречистыя Богородицы и московских чюдотворцов и государские пресвѣтлые очи. И я тебѣ то учинил же. Тѣм же нашим ходатаиствам сподобился видети и государыню нашу матушку // и благословения от нея приняти, еяже много лѣт не виде. Потом же ты, ища воли своей, похотѣл ѣхати в Сибирь. И я тебѣ то учинил же и отпустил тебя в Сибирь не з бесчестьем.

л. 285

И ты, то все забыв, пишешь ко мнѣ в своей грамотки, бутто я тебя отринул яко чюжа иноплеменника. К тому жь и притчю написал еси: вѣдая раб волю господина своего и не сотворит, он^в большее осужение примет, паче же не вѣдущи. И ты за посмѣх меня лаешь, полагаешь на мене невѣдение. Сам еси невѣжда: не вѣси ни закона, ни заповедь Божия, ни отческого пре-

^а Испр., в ркп. устрое. ^б Испр., в ркп. е. ^в Испр., в ркп. о.

л. 285 об. дания храниши. // Вмѣсто благих моих безумным своим писмом труд мнѣ наносишь, самъ еси отринул от мене, ища воли своеи, да не токмо от мене, но и от утробы матерня, еяже бо еси вмале узрил, и то не своим промыслом. Потом же как Богъ сподобит тебѣ ея видети, имат бо в старости честнѣ лѣта исполнены.

Да ты же пишешь, что я чту притчу во Евангилии: вся тварь на обновление приходит, а мнѣ б как мало праведного своего гнѣву не забыть. И ты сию притчу пишешь не истинно, не токмо еи конца, и начала не вѣси. Притчи л. 286 бо сия предложение и вина сицева: в неделю // пятую святого и велико четверодесятного поста божественный апостол и евангелистъ Марко написано во святом Евангилии притчу сию о твари спасения ради душъ наших. Аще бо не бы прежде прияла тварь дождевы зимы и вѣтры, не бы на обновление пришла. Аще б прежде не напоилась земля множию от низходящих с небеси дождей, не бы родила травы, и прозобала вмещенна ти в ню сѣмена, и воздала многосугубные плоды дѣлателью, приемшу от Бога благословение. Души же вину имат мысленные зимы, искушение и напасти. Аще убо прежде душа л. 286 об. не убелитца и уснежитца скорбми, и напастыми, и бедами // всякими, не возмощимо еи процвести и плоды добродѣтели принести и на обновление приити духовныя красоты. И за то, что паметуешь мнѣ и велишь обновлятися душею, велие воздаяние тебѣ будет, наставнику моему и учителю.

Еи, грѣшен есмь, достоин мнѣ грехи своя на среду износити и обновлятися покоянием. К сему же и другое реку: от рожения моего ^гне у ли^г четыредесят лѣтъ и болии, в них же грѣх ради моихъ нимало беспечалия, и покоя суеты ради приях множицею нападанием враг, и злая пострадах, понеже не обреташеся мнѣ помощник, яков же тебѣ аз бых. Сего ради должен есмь л. 287 // ближним своим отпущати, сиирѣч не злопаметствовать никому. А естъли бы и покусился гнѣватца на тебя, не неправеден бы мои гнѣв был, занеже бо еси заповедь Божию и прещение отче и матерне, и мое благодеяние к себѣ забыл и раздражил меня злобою своею горѣ чюжих.

Горе тебѣ, книжнику, накладываешь людем неудоб носимыя бремена, сам же единым перстом не прикасаешься. Достоит тебѣ самому в чюство приходити и обновлятися душею, занеже бо еси в житии сем ни единыя скорби приял, якоже аз претерпѣл. Да ты же приказываешь мнѣ писати о себѣ к людем добрым, а будет не учну писати, и ты ко мнѣ вперед ни о чом писати не хочешь. И будет толко и вперед так же ко мнѣ писати учнешь, и мнѣ такое твое безумное писмо не надо б унеес^а мнѣ, да не смутишь души моеи. Заѣхав л. 287 об. ты въ деревню, да пишешь ко мнѣ не опаметовався, // а мнишь себя премудра и разумна. Не лстись, нѣсть тако. Еще будешь умѣн, толко учнешь искать, приятнее б мнѣ твое писмо, чтоб злобам твоим покорение, а будет имъ учинишь покровение, ино б хотя малое благодарение.

Но не предолжю рѣчи отча ради благословения, вкупе же и моления, и матерних ради молитвъ, и свойства ради ближнего отпущаю тебѣ вину твою, еяже вперед и паметовати не учнем. Жьвы с миром да не к тому согрешаи, по сем же и прошение твое исполню. Писал о тебѣ ко князю Андрѣю Андрѣевичю Голицыну, чтоб тебя жаловал и к иным вперед писать учну же. Свершение же послания сего много тебѣ, государю своему, челом бью.

^гг Так в ркп. ^а Так в ркп.

Список литературы

- Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. акад. Н. И. Толстой. М., 1994. 286 с.
- Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь / Под ред. Л. А. Дмитриева. Минск: Университетское, 1989. 248 с.
- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. 607 с.
- Гудзий Н. К. В. Ф. Ржига: (Некролог) // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 685—692.
- Зиборов В. К., Яковлев В. В. Савватий (в миру Семен Васильев Башмак, по прозвищу Третьяк) // Словарь книжников. СПб., 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 327—329.
- Каган М. Д. Савватий // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 3. С. 324—327.
- Кортава Т. В. Филологическое наследие дьяка Третьяка Васильева // Вестник Московского университета. Сер.: Филология. 1997. № 5. С. 7—15.
- Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря: (Принципы, инструкции, источники). М.; Л., 1936. 175 с.
- Панченко. А. М. Русская стихотворная культура. XVII в. Л., 1973. 280 с.
- Переписка дьяка Третьяка Васильева / Изд. А. Н. Поповым // ВОИДР. М., 1851. Кн. 9, Смесь. С. 1—29.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 2001. Справочный вып.: История картотеки. Авторский состав. Указатель источников. Словник (обратный). 814 с.
- Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря / Изд. Д. Е. Кожанчиков. СПб., 1862. 182 с.
- Шептаев Л. С. Стихи справщика Савватия // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 5—28.

References

- Ashnin F. D., Alpatov V. M. "Delo slavistov: 30-e gody" / Otv. red. akad. N. I. Tolstoj. M., 1994. 286 s.
- Bulachov M. G. "Slovo o polku Igoreve" v literature, iskusstve, nauke / Pod red. L. A. Dmitrieva. Minsk, 1989. 248 s.
- Gudzij N. K. V. F. Rzhiga: (Nekrolog) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1961. T. 17. S. 685—692.
- Kagan M. D. Savvatij // Slovar' knizhnosti i knizhnikov Drevnej Rusi. SPb., 1998. Vyp. 3: (17 vek), ch. 3: P—S. S. 324—327.
- Kortava T. V. Filologicheskoe nasledie d'jaka Tret'jaka Vasil'eva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija: Filologija. 1997. № 5. S. 7—15.
- Larin B. A. Proekt drevnerusskogo slovarja: (Principy, instrukcii, istochniki). M.; L., 1936. 175 s.
- Panchenko. A. M. Russkaja stihotvornaja kul'tura 17 veka. L., 1973. 280 s.
- Perepiska d'jaka Tret'jaka Vasil'eva / Izd. A. N. Popovym // Vremennik Obshhestva istorii i drevnostej Rossijskih. M., 1851. Kn. 9, Smes'. S. 1—29.
- Sheptaev L. S. Stihi spravshhika Savvatija // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1965. T. 21. S. 5—28.
- Slovar' russkogo jazyka 11—17 vekov. M., 2001. Spravochnyj vypusk: Istorija kartoteki. Avtorskij sostav. Ukazatel' istochnikov. Slovnik (obratnyj). 814 s.
- Tri chelobitnye spravshhika Savvatija, Savvy Romanova i monahov Soloveckogo monastyrja // Izd. D. E. Kozhanchikova. SPb., 1862. 182 s.
- Veselovskij S. B. D'jaki i pod'jachie 15—17 vekov. M., 1975. 607 s.
- Ziborov V. K., Jakovlev V. K. Savvatij (v miru Semen Vasil'ev Bashmak, po prozvizhhu Tret'jak) // Slovar' knizhnosti i knizhnikov Drevnej Rusi. SPb., 1998. Vyp. 3: (17 vek), ch. 3: P—S. S. 327—329.